

Е. ПЕТРОВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Учат в школе

Елена Петрова

Учат в школе

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Петрова Е.

Учат в школе / Е. Петрова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06075-3

1990 год. Ленинград. Самый разгар перестройки и политических баталий. Огромная страна на грани катастрофы. Трудности повседневного выживания не отменяют вечных ценностей человеческой жизни: любовь, ненависть, дружба, предательство - все равно остаются приоритетами бытия людей. В школу приходят работать три выпускницы института им. Герцена. Каждой предстоит сделать непростой выбор и найти свое место в педагогике. Школьная жизнь насыщена не только обучением. Но иногда учителю суждено столкнуться с настоящей трагедией. И тогда от его действий будет зависеть человеческая жизнь. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06075-3

© Петрова Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. 1990 год	5
Глава 2. 1 сентября	6
Глава 3. 10 сентября	9
Глава 4. 3 октября	16
Глава 5. 7 ноября	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Часть 1

Глава 1. 1990 год

– Что ж, коллеги, объявляю наш августовский педсовет открытым. Начнем с приятного, – Вячеслав Николаевич обвел учителей, сидящих за партами, своим фирменным насмешливым взглядом. – А приятное – в прекрасном, как вам известно. Эти три очаровательные девушки, выпускницы института Герцена, будут работать в нашей школе. Позвольте их представить.

В кабинете пошло движение, все стали оглядываться, заулыбались.

В школе в последнее время с кадрами не густо. Молодежь в школу работать не идет – зарплата не та. Да и возможности... Какие в школе возможности? Дорасти до директора? Разве об этом мечтают, разве этого хочется молодым энергичным людям, которым кажется, что так много получить от жизни. Страна стоит на перепутье. Куда направиться? Движение махины началось, но махина – то оказалась с гнильцой. Гнильца отваливается, но здоровое тело ранит. «Птица – тройка» несется, по Гоголю, а куда? Кто ею движет? Скрыто все, не увидишь.

– Знакомьтесь: Елена Георгиевна, будет преподавать математику.

Хрупкая голубоглазая блондинка энергично развернулась – поднялась. Кивнула головой.

– Она же будет классным руководителем в 10В. Елена Георгиевна – человек с характером, справится.

– Еще одна выпускница института Герцена, учитель английского языка, Алина Константиновна. Она молодая мама, поведет дочку в садик, а сама побежит в школу на урок, – Вячеслав Николаевич заулыбался искренно, от души.

На этот раз со своего места поднялась кареглазая шатенка. Она по-кошачьи мягко поправила прическу и обволакивающе – лучисто посмотрела вокруг.

– Алина Константиновна пока поработает без классного руководства. Ну и, наконец, Галина Степановна, русский язык в пятых классах и классное руководство в 5А.

Галина встала решительно – строго. Она преданно смотрела в глаза директора, угадывая одобрение. Модный джинсовый сарафан выгодно подчеркивал ее женские прелести. Бело-снежная футболка красиво оттеняла загар. Глаза и губы – умело накрашены. Лицо несколько портил довольно массивный подбородок, выдающийся вперед и лишаящий Галю женственности. Из трех новеньких Галина была самой яркой и уверенной в себе. Она пришла в школу работать и делать карьеру. Пришло всерьез и надолго.

– Коллеги, это еще не все о приятном. Еще приятное – в полезном. Об этом вы все тоже, конечно, знаете. Нам выделено 5 мешков сахарного песка для заготовок ягод – варений – компотов. Профсоюз распределил, кому сколько. После педсовета – со своей тарой в кабинет труда. Не создавайте очередь. Ваша доля никуда не денется.

По кабинету прошла волна оживления. Тотальный дефицит, охвативший страну, заставлял людей выкручиваться, кто как умеет. Ленинград не был исключением из правил. А бюджетники, как обычно, были самым слабым звеном. Заготовки на зиму стали обычным делом, разговоры о рецептах закрутки кабачков и огурчиков были самыми популярными в учительской. Раздобыть лишние 5 кг сахара – да это просто удачный день!

Педсовет тем временем шел своим чередом. Итоги прошлого года, планы на будущий. Все были молодцами, но нужно еще лучше.

– Все заместители выступили. Проект решения... Голосуем... Единогласно.

Облегченно выдохнув, учителя побрели по кабинетам... за пакетами для сахарного песка.

Глава 2. 1 сентября

Еще со школьных времен для Гали 1 сентября навсегда остался праздничным днем. Когда она была школьницей, мама устраивала дома чаепития с пирогами в этот день. Родители очень серьезно относились к ее учебе и школьным успехам. Она же старалась быть послушной дочерью и отлично училась. Признание окружающих было ей жизненно необходимо. Она всегда соревновалась ... и выигрывала. На вчерашнем педсовете ей не удалось разглядеть коллег, но она была уверена, что поймет, к кому нужно держаться поближе, с кем подружиться. А пока – только директор был настоящим флагоманом. Девчонки, которые пришли, конечно, ни о чем. С ними только привет – пока. Какие – то они простоватые. С такими каши не сварить. И одеты бедненько. Одежда для Галины была показателем статуса человека. Сама она одевалась тщательно, следила за модой по журналу «Бурда» и искала нечто подобное на толкучках – баранках. Вещи там стоили немало, но родители никогда ей не отказывали. «Достать» можно было что угодно – были бы деньги.

В свой первый рабочий она решила всем показать, кто отныне будет слыть в этой школе настоящей модницей. Темно-серый костюм (мужской пиджак с атласными отворотами, узкая юбка до колен) плюс алые туфли на высоком каблуке – делали Галину Степановну совершенно неотразимой. Она знала об этом и шла на работу, чтобы коллеги узнали тоже.

До линейки оставалось полчаса, а все вокруг напоминало броуновское движение. Кто-то объявил в микрофон:

– Классные руководители! Срочно получите таблички и начинайте строить детей.

Галина Сергеевна взяла свою табличку и уверенно подошла к группе детей и родителей, стоящих у надписи на асфальте, сделанной белым мелом: 5А

– Здравствуйте, я ваш новый классный руководитель. Меня зовут Галина Сергеевна. Сейчас я выстрою вас по росту и будем внимательно все слушать.

Напрасно Елена Георгиевна пыталась понять, где должен стоять ее 10В. Старшеклассники совершенно не обращали внимания на призывы построиться. Многие из них не виделись целое лето, а потому удивленно – весело разглядывали друг друга, узнавали последние новости и делились впечатлениями о каникулах. Елена обратилась к первому попавшемуся на глаза парню:

– Послушай, ты из какого класса?

– Я из 11А, а ты? – наглая улыбка плясала в его глазах.

Похоже, наткнулась на записного хама. Отчитать? Обратиться за помощью? Не реагировать?

– Зачем ты хамишь? – очень по-человечески спросила Лена. – Видишь первый раз в жизни и такое себе позволяешь. Эх ты, дитя подвалов!

Парень как-то весь сдулся и отступил. «Пожалуй, с подвалами я перегнула», – решила она.

– Девочки, здравствуйте, ищу 10В и не могу найти. Поможете? – обратилась она к стайке девочек – старшеклассниц.

– Поможем, а вы кто?

– Я их новый классный руководитель, Елена Георгиевна.

– Да ладно, такая молоденькая. Леська, привет, иди сюда!

Белокурая стройная девушка манерно приблизилась к их компании. Девочки обнялись – поцеловались.

– Леська, знакомься, это ваша классная.

Леська с интересом разглядывала Елену.

– Меня зовут Елена Георгиевна. А тебя Олеся? Помоги мне собрать ребят, пожалуйста. Прозвучало все это как-то жалко – беспомощно. Не так, совсем не так представляла себе Лена эту первую встречу с классом. Все должно было произойти по-другому. Но вышло – как вышло.

– Пойдемте, наши все у крыльца.

Эту группу у крыльца Лена заприметила сразу, как только оказалась на школьном дворе. Ребята вели себя нагло – вызывающе, явно сознательно нарываясь на замечания окружающих.

– Э, народ, – обратилась к ним Леся, – я вам классную новую привела.

– Народ – в поле, а мы – в школе, – сострил, поднимаясь со ступенек, крепкий широкоплечий парень. – Привела – познакомь.

Лена решила взять инициативу в свои руки.

– Меня зовут Елена Георгиевна. Сейчас линейка уже начнется. Давайте пройдем на место, а то будут неприятности.

– Это мы ваши неприятности, – отделился от стены долговязый нескладный юноша. – Димон, чо, может, пойдем?

Компания двинулась за Димоном, а Лена покорно отправилась за ними. «Надо работать с тем, что есть». Но как с этим работать?

Лена изваянием застыла на Литейном мосту. Яркий сентябрьский день разогнал ее школьную тоску. Она смотрела вперед, и открывшаяся перспектива наполняла ее торжеством и гордостью. «Счастье жить здесь, ходить по этим набережным, дышать этой красотой». Путь от метро «Площадь Ленина» до ее дома на улице Яблочкова не был близким. Как правило, она ехала на метро до Горьковской, но первый рабочий день так сильно расстроил ее, что она почувствовала потребность ухватиться за что-то основательное, перебить все негативные эмоции, собрать в кучу мысли. Ленинград помогал всегда. Город был ее частью и лечил безотказно. Летний сад, Петропавловка, набережные и мосты – лучший бальзам для душевных ран и терзаний. Медленно, глубоко вдыхая солнечный свет и запах ветра, она, расправив плечи, сказала себе: «Завтра будет новый день и новые встречи. Все будет по-другому». И она выкинула школьные мысли из головы. От Горьковской проходными дворами до дома – рукой подать. Она решила, что 1 сентября – все-таки праздник и можно чуть-чуть побаловать себя и мужа. Крузу совершенно не нужно знать все ее проблемы. Может быть, потом она и поделится, но не сегодня. Сегодня будет праздник. Лена улыбнулась себе, этому дню, этим людям, проходившим мимо. Будет праздник.

В подъезд Лена входила, неся в руках набор маленьких пирожных, название которых, «Ленинградские», так соответствовало ее настроению.

Коммунальная квартира, где жили Елена и ее муж Сергей Круз, была рассчитана на шесть семей. Собственно, в ней было шесть комнат, санузел и огромная кухня с шестью столами и тремя газовыми плитами. Коридор, пронзающий эту квартиру насквозь, мог бы быть просторным, но около дверей в каждую комнату высились горы одежды и обуви жильцов. Соседи не дружили, но и не враждовали особо. Все старались сохранять нейтралитет. Объединились только против двух запойных стариков – алкоголиков, которые частенько приводили к себе в гости маргинальных друзей – собутыльников, что не приветствовалось никем.

Крузу комната досталась от бабки, которая вдруг на старости лет вышла замуж и переехала к мужу в Пушкин, а Круз съехал от родителей, и, покинув ненавистную ему Гражданку, поселился в центре, на Петроградской.

Входная дверь оказалась закрыта на все три замка – соседка бдительность, зато дверь в комнату открыта – значит, Круз дома!

– Сюрприз! – Лена впорхнула в комнату и споткнулась о раскаты мужниного храпа. Хлеб, соленый огурец, стаканы и пустая водочная бутылка. «Будет праздник!» Она села и заплакала.

– Нюта уснула? – Алина с надеждой – ожиданием посмотрела на мужа.

– Наконец-то спит, и мы одни, – Саня протиснулся мимо холодильника и обнял – захватил жену своими огромными добрыми руками. Она откликнулась на ласку, прижалась к нему. Саня чмокнул любимую макушку и слегка отстранился:

– Накормишь мужа макаронами?

– Только ими и накормлю, ничего больше нет, и денег совсем не осталось.

– Как это ничего? Есть два яйца, и мы их сейчас поджарим с луком и макаронами. Я тебя накормлю царским ужином, а потом мы зажжем свечи и будем пить чай.

Саня достал лук, яйца и занялся готовкой.

– Лина, я сегодня грузчиком устроился опять. По утрам работать нужно. Здесь рядом кооператоры пекарню открыли. Деньги платят на руки каждую неделю.

– Саня, а если будет, как в прошлый раз? Повесят на тебя недостачу и ничего не заплатят?

– Попробую. Надо выжить, перетерпеть. Через год буду с дипломом, найду нормальную работу. А пока вот, держи 50 рублей. У сестры занял. Мы-то можем терпеть, а Нюте нужно питаться правильно.

Тем временем яичница была готова, чайник засвистел. Саня разложил еду по тарелкам и посмотрел на жену:

– Дорогая моя! Сегодня твоя мечта сбылась: ты стала учителем. Поздравляю тебя!

– Санечка, мне так с тобой хорошо, с тобой у меня все получается.

... Горела свеча. Они сидели в шестиметровой кухоньке блочного хрущевского дома, за стеной спала трехлетняя Нюся. И не было в мире людей, счастливее родителей этой малышки, потому что была любовь.

Глава 3. 10 сентября

Этим утром страна проснулась другой. Накануне, 9 сентября, в 6 часов 40 минут по дороге на службу был зверски убит отец Александр Мень. «На крови мучеников прорастают семена христианского благовестия, растет и укрепляется вера Христова». А не слишком ли много крови православной пролилось в русскую землю в 20 столетии? Обагрил 20 век кровью Русь-матушку. И конца – краю этому не видно. Скольких новомученников мы еще узнаем!

Жизнь отца Александра была примером истинно праведнической жизни. Это был очень образованный и талантливый человек. Господь избрал его для служения, и отец Александр видел собственную миссию в духовном просвещении. В перестроечное время он стал одним из самых популярных христианских проповедников. Он нес слово Божие, не вмешиваясь в политику, не вступая ни в какие партии, не играя с бизнесом. И нашелся же зверь, посмевшийся опустить топор на его голову. Отец Александр скончался. Убийство это так и не будет раскрыто.

Алина Константиновна зашла в учительскую с красными от слез глазами. Удивительное дело, она часто переносила чужую боль на себя, искренне сочувствуя и сопереживая. Убийство отца Александра она восприняла как собственную беду. Бабушка Алины была набожной. «Отче наш» Алина знала наизусть с детства. Учась в институте, она живо интересовалась религиозными учениями, тем более, что запрещенная ранее информация становилась общедоступной. Лина читала самиздатовские книги Александра Меня, и слово пастыря проникло ей в душу. Она видела его несколько раз по телевизору, он был настоящим праведником.

То, что она услышала из новостей, потрясло. За последние три года все как-то привыкли в бандитском разборках и перестрелкам, «600 секунд» Невзорова делали свое черное дело, и смерть человеческая перестала быть трагедией. Смерть от пули или ножа уже никого не удивляла. Рушилась страна, ломались судьбы, умирали надежды.

Но убийство отца Александра Меня было выше человеческого понимания. Кому он мешал? Он, помогающий больным и нуждающимся, утешающий страдающих, веру дающий страждущим? Или это время не для добродетельных, и сама праведная жизнь мешает творить зло?

В учительской гудели. Обсуждали то, о чем все уже знали. Алина села за стол.

– Что творится! Какой ужас! – к ней обратилась Елена Георгиевна.

Алина молча кивнула головой.

– Знаешь, а ведь об этом необходимо говорить с ребятами. Они должны понимать, что есть добро и зло. Как ты считаешь?

– Не знаю, я не смогу.

Алина поднялась и направилась к выходу. Прозвенел звонок. Учительская опустела.

У 10В первым уроком в понедельник была геометрия. Класс пустовал на треть.

– Всех сразила эпидемия? – вопрос Елены Георгиевны повис в воздухе.

– Молчанье было ей ответом, – резюмировала Елена, – что ж, будем работать с тем, кто есть. Шамаев, к доске с домашней задачей.

Костя Шамаев с безнадёгой оглянулся на класс. Никто не реагировал.

– А я тетрадь дома забыл.

– Ничего, условия задачи я тебе напомню, а решение вспомнишь сам.

– Пока Шамаев напрягает память, Кузнецова решит крохотную задачку на определение площади окружности. Повторяем 9 класс.

Света Кузнецова, отличница и надежда педагогического коллектива, стремительно двинулась к доске.

– Пишем условия задачи. Шамаев, не отвлекайся.

В дверь постучали.

– Вы позволите, Елена Георгиевна?

Лена близоруко прищурилась.

– Мусин, ты проспал?

– Что вы, Елена Георгиевна, разве я могу позволить себе так обидеть вас? Проспать, зная, что у нас геометрия? – парень нагло ухмылялся.

Класс замер в ожидании скандала.

– Что же заставило тебя... задержаться?

– Если позволите, я расскажу.

– Позволяю, – Лена приняла вызов.

– Проснулся я, включил телевизор, а там по всем новостям только и говорят о том, что старика какого-то убили. Топором по башке. Всех подозревают: и соседа, и жену, и прохожих. Таковую бучу подняли. Вот я и думаю: что же это за дедок такой необычный? Может, вы расскажете? Почему такой кипеж поднялся?

Волна злобной ненависти к этому малолетнему мерзавцу поднялась к голове и оглушила Лену. Руки затряслись, в ушах зашумело.

– Садись, Мусин, – Лена отвернулась к окну, приходя в себя.

– Я-то сяду, но вопрос останется, – класс одобрительно зашуршал. Лена поняла, что урок сорван. Она помолчала минутку, собираясь с мыслями, а потом заговорила.

– «Многое может усиленная молитва праведника». А вы знаете, кто такие праведники? Вы знаете, например, о том, что в Советском Союзе в 30-е годы семьи священнослужителей расстреливали только за то, что они не снимали крестов с себя, а значит, не предавали веру свою. Понимаете, убеждения людей были выше самих людей, вера была выше жизни.

Елена начала говорить совсем тихо, но голос ее все рос, становился звонче. Она повернулась лицом к классу и говорила с каждым из сидящих.

– «Быть праведником – значит жить по вере, жить так, чтобы за дела твои и поступки не было бы стыдно тебе перед Богом». Так и жил тот человек, о котором ты, Мусин, придуриваясь, упомянул. Имя его – отец Александр Мень. Он шел рано утром на службу, а какие-то подонки напали на него. Но никого не обвинил он в своей смерти. Наверное, убежден был: на все воля Божья, и Господь так призвал его.

Вообще-то гонения на христиан – это совсем не редкость в мировой истории. Римские императоры – язычники подвергали ранних христиан пыткам и истязаниям. Но то, что было в Советском Союзе, не было никогда и нигде. В 60-е годы в подмосковном Бутово было найдено массовое захоронение. Там было более 20 тысяч расстрелянных человек. Многие из них были лицами духовными. Не зря Бутово и Соловецкий лагерь называют русской Голгофой.

Можно быть не очень хорошим человеком, Мусин, можно во всем находить повод для веселья, но у нашей страны есть своя история, своя память, которая остается в генах каждого русского человека. Эта память есть и в тебе, Мусин, ты не безродный щенок, ты не подзаборник. В тебе, Дима, тоже бьется кровь твоих предков, будь же достоин этой памяти.

Лена замолчала. Класс затих. Звонок с урока вывел всех из оцепенения.

– Что ж, Мусин, ты можешь быть доволен. Урок ты сорвал. Можете идти. Домашнее задание остается прежним.

Лена взяла журнал и вышла из класса первой.

Заговорила Леся:

– Вообще-то, Димон, ты вел себя как полное говно. Ты сам-то это понимаешь? Елена нормальная, она с нами считается, разговаривает, как со взрослыми, а не морали читает. Какого хера ты вылез?

– Иди в жопу, – огрызнулся Мусин. И без тебя самому тошно.

Галина Степановна вышла из школы в прекрасном настроении. Даже хмурое небо его не испортило. Галя уже успела познакомиться с молоденькими учительницами из начальной школы, ходила к ним на чаепития, а с веселой симпатичной Ольгой Павловной так подружилась, что та принесла ей новую «Бурду». Галя на перемене быстренько пролистала журнал и обнаружила там выкройку просто сногшибательной юбки. Простая, серая, по фигуре спереди, юбка имела сзади плиссированный хвостик, который добавлял вещи пикантности, столь необходимой каждой моднице. В общем-то, по крою все было понятно. Загвоздка была в одном: как вшить этот хвостик, чтобы складочки расходились, как на картинке. Поэтому Галя спешила домой, чтобы полностью сосредоточиться на обновке.

– Галчонок, руки мой, будем обедать, у меня все готово.

Мама была дома, а значит, тратить время на уборку было не нужно.

– Мама, помнишь, у нас оставалась ткань такого мышинового цвета? Где она?

– Тебе зачем?

– Хочу юбочку себе сварганить.

– «Бурду» новую раздобыла?

– Да, смотри, какая прелесть.

Галя раскрыла журнал и показала юбку матери.

– Очень симпатичненькая. Помочь?

– Конечно, ты же хочешь, чтобы твоя дочь была самой красивой?

– Ты у меня и так самая красивая.

Галя быстренько пообедала и, расстелив на полу выкройку, занялась юбкой. Свои мерки она знала наизусть, поэтому кроила сама. А вот шитьем занималась мама: у нее это получалось и лучше, и качественнее. Когда юбка была сметана, Галя посмотрела на часы.

– Мама, я пойду спать, завтра вставать рано. Дошьешь?

– Постараюсь, но не обещаю. Что-то голова разболелась.

– Ну, мамочка, ну, пожалуйста, дошей, так хочется надеть ее завтра. Пожалуйста.

– Ладно, постараюсь.

Разговор с ребятами не выходил из головы Елены Георгиевны. Она не знала, правильно ли было вообще заводить его, опыта работы не хватало, да и спросить было не у кого. Она чувствовала, что затронула этим разговором слишком тонкие сферы, куда не многим учителям можно было попасть. Но вопрос о том, позволено ли ей это, так и остался для нее открытым. «У врачей главное – не навредить, а у нас? У учителей как? Кто знает, чем слово наше отзовется?»

... Еще долгие годы Елена Георгиевна Каткова будет искать ответы на вопросы, поставленные ею в самом начале педагогического пути. Но, даже будучи Почетным работником образования и Заслуженным учителем, так и не сможет ответить на них однозначно...

Домой идти не хотелось. Она знала, что Круза там нет: звонила ему из школы. А сидеть одной и горевать совершенно не хотелось. Муж пьет и не работает. У него творческий кризис. Нужна ему семья? Не нужна? «Надо что-то менять. Не хочу больше, не могу больше! Но любовь? А была ли любовь? Была – не была... была – не была... была – не была...»

Четыре года назад, в сентябре 1986, они познакомились. Лена шла по Невскому из института к метро. Она была в прекрасном настроении, все у нее получалось, жизнь искрилась и манила вперед.

– Девушка, а хотите, я вас нарисую? – высокий длинноволосый парень, небрежно упакованный в джинсу, восхищенно – очарованно смотрел на нее. Она рассмеялась:

– Хочу, но денег нет.

Он в ответ улыбнулся:

– У меня тоже нет, но на чашечку кофе наскребу. Пошли в «Сайгон»?

– Пойдем, – просто согласилась она.

Они прошли от канала Грибоедова до Владимирского пешком, и Лена восторженно слушала Сергея. А тот, желая произвести на нее впечатление, заливался соловьем, вернее, стихами Бродского.

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку,
Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?
За дверью бессмысленно все, особенно – счастья.
Только в уборную – и сразу же возвращайся.

О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора.
Потому что пространство сделано из коридора
и кончается счетчиком. А если войдет живая
милка, пасть разевая, выгони, не раздевая.

Не выходи из комнаты: считай, что тебя продуло.
Что интересней на свете стены и стула?
Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером
таким же, каким ты был, тем более – изувеченным?

О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, боссанову
в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу.
В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной.
Ты написал много букв; еще одна будет лишней.

Не выходи из комнаты.
О, пускай только комната догадывается, как ты выглядишь.
И вообще инкогнито эрго сум,
как заметила форме в сердцах субстанция
Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.

Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были.
Не выходи из комнаты!
То есть дай волю мебели, слейся лицом с обоями.
Запрись и забаррикадируйся
шкафом от хроноса, космоса, эроса, вируса.

«Сайгон» – место тусовки ленинградских неформальщиков – и раньше притягивал Лену. Ей казалось, что именно там сосредоточилась настоящая жизнь, полная тайных знаков и смыслов, где постигаются основы человеческого бытия и мироздания. Но ей, хрупкой домашней блондинке, путь в эту жизнь закрыт. И вдруг – вот так просто – «по чашечке кофе»...

С чашечки двойного эспresso все у них и началось.

Она говорила дома, что осталась у подруги готовиться к лекциям, а сама спешила к Сергею на Петроградку, чтобы слушать его, любить его, боготворить его. Он стал для Лены источником жизни. Он открыл ей мир запрещенных книг, имен и фильмов, мир запретных плодов. И эти плоды были так же сладки, как его объятия в бурные ночи любви.

Сергей мнил себя художником. Молодым, талантливым, непризнанным. Он закончил художественную школу, но провалил экзамены в Муху. Отслужил в армии, устроившись оформителем при отцах – командирах, и, вернувшись домой, понял, что работать на заводе не хочет,

а хочет рисовать – писать полотна. Странно, но судьба улыбнулась ему: его приняли на работу в ДК «Красный октябрь» на ставку художника – оформителя. Оклад небольшой, но в его распоряжении оказалась мастерская, где он мог творить... что хотел и когда хотел. В довесок, правда, принудили вести детский кружок рисования два раза в неделю, но это были уже мелочи.

В Лене Сергей искал чистоту и искренность, которую сам давно утратил. Она вступила в его жизнь музой, превратившись со временем в няньку – домработницу. Когда они поженились, яркие искры ее голубых глаз еще играли светлячками по квартиру. Но постепенно светлячки гасли, искры пропадали, вокруг накатывал мрак. Муза исчезла. Лена превратилась в обычную стерву – жену, которая просит денег и требует внимания. С творчеством не задавалось. Сергей начал пить. По-настоящему. На вокзалах. Со случайными знакомыми. На улицах. В подъездах. Несколько раз он пытался привести собутыльников домой, но Лена стояла насмерть: не пущу. Он начал скитаться по ночам. Где, с кем, – Лена не знала. Но каждый раз, под утро, после бессонной ночи, проведенной в тревоге на одинокой тахте, она бежала в коридор, услышав шум открывающейся двери, и, увидев его, выдыхала: «Жив». Такой вот была семейная жизнь Елены Георгиевны, классного руководителя 10В класса.

Вечерами школьный стадион не пустовал. Когда в 70-х построили школу, небольшую площадку рядом превратили в футбольное поле, сколотили скамейки – трибуны для зрителей, стали проводить уроки физкультуры, когда было тепло. А во второй половине дня там проводили время местные жители: кто-то гонял мяч, а кто-то «обсиживал шесток», покуривая и болтая ни о чем.

Мусин с Шамаевым заняли «свои» места, согнав не очень-то и сопротивлявшихся мальчишек – пятиклассников.

– Кыш отсюда, домой пора, уроки делать и спать. Давайте – давайте, а то мамка заругает.

Каждый вечер, как только начинался учебный год, они приходили на эти обветшалые скамейки. Других поблизости не было – все поломали. А эти чудом сохранились. Почти все ребята из класса жили неподалеку от школы, поэтому тусовалось здесь, как правило, большинство из них.

– Муся, скучно, давай замути что-нибудь. Придумай, а?

– Костик, иди выпей, если скучно. Я ж не клоун, чтоб тебя веселить.

– Не, а чо делать-то? Выпить нечего, денег нет. А у тебя?

– Иди, вон у малолеток насшибай, они дадут.

– А потом мне их родители дадут. Думаешь, не знают меня?

– Зассал? Ты попробуй сначала, а потом... Ну-ка, пошли вместе.

Мусин спрыгнул со скамейки и, держа руки в карманах, неторопливо подошел к сидящим на другой «трибуне» стадиона пятиклассникам.

– Какие – то вы, парни, непослушные, – начал он вкрадчивым голосом.

Ребята молча – настороженно смотрели на него.

– А ты кто, чтобы нам указывать? – ответил за всех самый бравый и, очевидно, авторитетный мальчик.

Мусин ухмыльнулся, наклонился к отвечавшему и резко дернул того вниз. Мальчик, не ожидавший никакой агрессии, съехал со скамейки на землю, беспомощно глядя на товарищей. Все молчали, отворачивались, пряча взгляд.

– Я здешний бригадир, – обведя всех тяжелым взглядом, произнес Мусин.

– Дети играют в мячик до семи, а после – вход платный.

– Все поняли? Готовим денежки, или я выкину вас отсюда на хер. Ясно?

То, что сначала представлялось игрой, превратилось в настоящее насилие. Шамаев испугался. Не слишком ли далеко Димон зашел? Но когда мальчишки начали вытаскивать мелочь и отдавать свои копейки Мусину, Костик тоже включился в процесс.

– Значит так. Назначаю тебя, как самого смелого, моим заместителем, – Мусин вошел в роль бригадира, которая нравилась ему все больше. Он посмотрел на сидящего на земле мальчика:

– Тебя как зовут?

– Славой.

– Слушай сюда, Сява. Каждую неделю, по понедельникам, будешь мне приносить собранные деньги. Кто не сдаст – мне покажешь. Разберусь. Всем ясно? Сява теперь ваш командир. Кто не понял? На этом и закончим.

Подсчитали улов.

– Ну что, по «роялю» жахнем? Пошли, во втором подъезде тетка на разлив продает. Маленькую возьмем, разбодяжим. Пошли?

– Леся, подойди к телефону, наверняка тебя.

– Мама, ну ответь, ты же там рядом.

– Не могу, у меня руки в фарше, котлеты жарю.

Мама ушла на кухню. А Олеся, чертыхаясь про себя, сняла телефонную трубку.

– Да, – рывкнула она.

– Не в настрое? – раздался голос Мусина.

– Да так, мать достала.

– А ты выйди во двор, я разгоню твою печаль. Только хавки возьми какой-нибудь и варенье разведи.

– Бухаем, что ли?

– Догадливая.

– Муся, у как я, интересно, варенье разведу? У меня мать на кухне с котлетами.

– А ты постарайся.

– Ладно, пойду к Дашке спущусь. Ща выйдем. Мам, я к Дашке пойду, вместе уроки поделаем?

– Во сколько придешь?

– Часиков в 11. Ты не жди меня, ложись спать. Все, пока.

Даша Артемьева, одноклассница и верная подружка Олеся, жила в той же пятиэтажке на первом этаже. Мать Даши, воспитывавшая одна двоих детей, пропадала все время на работе: утром сидела в ларьке, а вечером мыла полы в школе. Даша и ее брат Витька, семиклассник, были предоставлены сами себе и активно этим пользовались.

Девчонки быстро собрали немудреную закуску: сосиски, хлеб, огурчики, развели в литровой банке варенье с водой и вышли на улицу, где их ждали Мусин с Шамавым.

– Посуду догадались прихватить? – вместо приветствия задал вопрос Костик.

– Никшни, Костян, не впервой, на опыте, – ответила Олеся.

– На стадион?

– Стремно, лучше в высотку на черную лестницу, – решил за всех Мусин.

Высотками называли два 12-этажных дома на проспекте Непокоренных. Дома были так спроектированы, что имели отдельную лестницу, отгороженную от квартир дверью. Жильцы ею не пользовались: в доме был лифт. А вот бесприютные подростки активно обустроивались между этажами, тем более, что на каждом этаже с лестницы можно было попасть на балкон. На лестнице было темно, воняло мочой и дерьмом, поэтому компания отправилась на балкон 7 этажа. Там, на ящиках, ребята и расположились.

– Откуда дровишки? – поинтересовалась Леся, похрустывая огурчиком.

– Девушку не должно интересоваться, откуда у мужчины деньги. Девушку должно интересоваться, сколько их у мужчины.

Мусин придвинулся к Лесе и притянул ее к себе.

– Пусти меня руки погреть, замерз очень.

Леся рассмеялась и раздвинула ноги. Костик с Дашей тоже времени не теряли: лифчик был давно расстегнут, и Шамаев, утробно причмокивая, мямлил упругие девичьи груди.

Это была их привычная забава: выпить – потискаться – разойтись по домам. Любовью не назвать, дружбой тоже. Похотливое самоистязание, которое ничем не заканчивалось. Парни каждый раз надеялись: ну вот сейчас, сегодня-то уж уломаю. Но девчонки держались. Не то что они слишком ценили свою девственность, просто на ящиках было уж очень противно, да и неудобно к тому же.

Глава 4. 3 октября

Страна разваливалась. Великая империя оказалась подобна спичечному замку: на вид красивый, ладный, хорошо подобранный, но вынули один элемент из основания – и все развалилось. Таким элементом была вера. Вера человеческая в широком смысле этого слова. Еще в 1917 году христианство стало идейным врагом большевизма, а значит, его необходимо было вырвать с корнем. Вырывали, жгли, насиловали, уничтожали.

Однако русский народ – народ верующий. Большевики изобрели новую веру – в коммунизм. 70 лет они убивали православный дух, насаждая коммунистический взамен ему. «Верим в коммунизм» вместо «Верим в Бога». Кто такой коммунизм? Большевистский заменитель Бога. Человеку нужна вера, жизненно необходима. Иначе жизнь становится бессмысленной. И очень короткой. И тогда зачем все?

Советские люди строили коммунизм и верили, что если не они, то уж их потомки точно познают настоящее счастье. Эта вера в светлое будущее помогла Советскому Союзу стать великой державой. Эта вера заставляла советских людей гордиться своей страной, несмотря ни на что. И вдруг все рухнуло.

1987 год. С большой московской трибуны людям очень доходчиво объяснили, что они дураки. Их вера – чепуха, а коммунизм – иллюзия, миф, придуманный для стада баранов. Так целую страну, 290 миллионов человек, кинули, растоптали, унизили и обокрали. 70-летний обман раскрыли... Вот вам правда! Ешьте ее, хлебайте, пока внутренности еще способны переварить. И... Все... В погоне за правдой потеряли страну.

К 1990 году Советский Союз трещал по швам. Парадоксально, но в октябре этого года организатор великого развала получил Нобелевскую премию мира. За что? В стране хаос, страдают и гибнут люди, стремительно пустеют полки магазинов.

День учителя в школе – настоящий праздник. Удивительно, но его ждут все: и учителя, и ученики. С самого утра школа бурлит красивыми нарядами и искренними поздравлениями. Дети верят в этот день, что их учителя – самые лучшие, самые добрые, самые красивые. А учителям кажется, что школьники их по-настоящему любят. Это день благодарностей и красивых слов. Это праздник!

Галина Степановна входила в школу с замиранием сердца. Она готовилась к этому дню, как никто другой. Во-первых, она жаждала всеобщего признания своей женской уникальности; во-вторых, она ждала подарков от своих пятиклассников, намекнув родителям, что вазы и постельное белье ее не интересуют. Оставались духи и украшения. Как-то мимоходом она заметила, что вкус у нее классический и «Шанель№5» – ее любимый аромат.

Галина Степановна зашла в учительскую, и все ахнули. Ярко-розовое платье с широким черным кожаным поясом и лодочки на тончайшей шпильке произвели фурор. Физик Антон Геннадьевич, не в силах вынести яркой и вопиюще – модной красоты девушки, артистично закрыл лицо руками. Школьные дамы заметно погрузтели. Татьяна Александровна, историк и школьный завуч, первой «сделала лицо».

– Галочка, какое прелестное у вас платье! Как оно вам к лицу! Хоть сейчас на обложку. Вы очаровательны.

– «Где мои 17 лет?» – процитировал Высоцкого Антон Геннадьевич, галантно поклонившись.

Галина Степановна снисходительно слушала эти похвалы. Она знала, что хороша: высокая, статная, с ярко выраженными женскими прелестями, тонкими руками и точеными щиколотками. Хорошо подобранная косметика подчеркивала привлекательную молодость. В кори-

дорах школы она тоже оказалась в центре внимания: девочки завистливо вздыхали, а мальчики услужливо расступались. У дверей ее кабинета толпились родители и ученики.

– Здравствуйте, Галина Степановна! От лица родительского комитета 5А класса разрешите поздравить вас с Днем учителя. Позвольте вручить вам букет и маленький подарок.

Галя заглянула пакет. «Шанель № 5». Это был триумф. Она счастливо засмеялась.

Для Елены Георгиевны день не задался с самого утра, вернее, с ночи. Вечером они поссорились с мужем, и Круз ушел в неизвестном направлении. Лена знала, что денег у него нет. К утру он не вернулся. «Только бы он был жив», – думала она по дороге на работу, – вот придет, мы поговорим, ведь надо же что-то делать, что-то менять. Только бы он был жив». Надо было работать: учить детей, поздравлять коллег. Сил не было ни на что.

– Елена Георгиевна, можно?

– Да, Олеся, заходи. Позови всех наших, нужно поздравить учителей, вон родители целую коробку шоколада где-то раздобыли.

– Правда?

Олеся достала огромную плитку шоколада «Fazer».

– Кому-то зарплату шоколадом выдали, что ли? – предположила она. – Не в коммерческом же они купили. Ладно. Так я всех приведу?

– Елена Георгиевна, можно поговорить?

– Давай, Мусин, поговорим.

– Вы меня простите, пожалуйста, я дураком иногда бываю.

– Не поняла.

– Ну, я про тот урок, про отца Александра Меня. Простите, правда.

Елена удивленно посмотрела на парня. Она уже позабыла о том случае, с Мусиным больше не ссорилась, и вдруг... простите.

– Это здорово, что ты понял, что есть вещи, над которыми нельзя глумиться. Конечно, прощаю.

Дверь кабинета распахнулась, ввалились ребята.

– Так, давайте по списку разберем, кто кого поздравит.

Всем заправляла Олеся:

– Это директору, завучу, учителям.

Ребята разбирали шоколадки, расходились с поздравлениями, возвращались.

Лена пошла в учительскую позвонить домой. Бесполезно. Круз так и не вернулся. Что делать? Что делать?

Звонок на урок все шумное школьное движение привел в порядок. Коридоры опустели. Начались уроки.

– Поздравляем – поздравляем – поздравляем, – 10В встретил Елену Георгиевну аплодисментами.

– Дорогая Елена Георгиевна, – начала Олеся, – поздравляем вас, пусть ваша жизнь будет сладкой, как эта шоколадка.

Все захлопали, засмеялись.

– Спасибо, дети, садитесь, начнем урок.

Дверь распахнулась.

– Опять опоздал. Елена Георгиевна, извините, это вам, – Мусин протягивал Лене букет белых лилий.

– Ух, ты, – пронеслось по классу.

Мусин как-то сбился, отступил и добавил:

– Вам от нас.

– Спасибо, ребята, очень тронута вашими поздравлениями. А теперь за дело. Открываем тетради.

Мусин жил с матерью и двумя котами в крохотной однокомнатной квартире на Меншиковском, рядом со школой. Отец ушел от них, когда Димка был совсем маленьким, еще в садик ходил. Отец ушел именно от них, а не к кому-то. Он был фотографом, свободным художником, который не умел зарабатывать деньги и нести за кого-то, кроме себя, ответственность. Он и за себя-то не очень-то отвечал. Мать была по специальности химиком – технологом, работала на заводе. Зарплату она не получала уже много месяцев, но на службу ходила исправно, потому что до сих пор не поняла, что мир вокруг изменился, что нужно выживать, и слова «пусть победит сильнейший» относятся не только к спорту, но и к жизни всех людей вокруг. Ей было трудно и физически, и морально. Она привыкла к трудностям, срослась с ними и целью своего существования искренне считала их преодоление. Сын тоже был из категории трудностей: его нужно было кормить, одевать, обучать, лечить. На это нужны были деньги. А денег не было.

Димка трудностью быть не желал. Он устал слушать каждый день одну и ту же песню о бедности и сопутствующих проблемах, поэтому предпочитал вечерами подольше оставаться на улице, а по утрам подольше валяться в кровати, лишь бы не встречаться с матерью. Он жалел ее, но помочь? Это не приходило в голову.

Водка, травка, сигареты – все это было в его жизни, но как-то не пошло. Предложили – попробовал, за компанию – накатил, но не более. Не поперло. Он вырос на улице, жил по ее законам, к своим 16 стал признанным дворовым лидером, но... сливки не снимал. Было что-то такое у него внутри, что заставляло порой впасть в задумчивость, уйти в себя и часами в одиночку бродить по тропинкам парка на Писаревке.

Уже много дней не мог он выкинуть из головы произошедшее на уроке. Он нашел несколько статей об убийстве отца Александра Меня, узнал о его жизни и потерял покой. По всему выходило, что человек этот был правильный, мудрый и клевый. А он, Мусин, повел себя как последний debil. Законы улицы – законы джунглей. Сыт всегда сильный. Вожак не уходит, его убирают. По понятиям Димки отец Александр не вожак. Но его убрали. Нестыковочка. Кто стоит за этим? Кому он мешал? Чей он вожак? Куда и кого он вел за собой?

Елена Георгиевна так и не смогла дозвониться мужу. Но беспокойство ушло, и его место заняла странная – страшная апатия: я не хочу знать, что с Крузом, я не хочу знать, где он, я ничего не хочу знать о нем, я вообще не хочу идти – возвращаться в его дом. Уроки закончились. Коллеги, радостно возбужденные, предвкушающие предстоящий праздник в школьной столовой, распаковывали съестные припасы, домашние заготовки, собирали общий стол. А Лена сидела в оцепенении в пустом кабинете математики, понимая, что навалившаяся тяжесть не позволит ей и шагу ступить. Постучали, и дверь тихо отворилась.

– Елена Георгиевна, вы пойдете на праздник? – Алина Константиновна деликатно остановилась на пороге. Лена посмотрела на это милое лицо, открытое и доверчивое, и, не сдерживаясь больше, разрыдалась. Алина плотно затворила дверь, подошла близко – близко:

– Ты поплачь, а потом расскажи, если захочешь.

Так началась их дружба. За долгие годы, что вместе работали, они стали друг другу ближе родных. Никогда не нарушая личного пространства каждой, они умудрялись вовремя подставить плечо и вместе рассмеяться. Они жили, глядя в одну сторону и никогда не изменив себе в этой дружбе. Потом были дети, внуки, семейные хлопоты и неурядицы, но каждая знала: в школе есть скала, которая укроет, спасет, спрячет. Так всегда было, и так будет.

Школьные учительские праздники устраивались в столовой: сдвигали столы большим прямоугольником, расставляли миски с салатами и разносолами, принесенными из дома.

Спиртное и соки покупали в складчину. В общем, все было, как на деревенской свадьбе: поесть, закусить, расслабиться. Однако праздники пользовались популярностью. Коллектив был дружный, приходили все. Женщины наряжались, загодя посещали парикмахерскую и маникюршу. Слово «корпоратив», еще не успевшее войти в обиход, летало в воздухе.

Галина знала, что на такие вечеринки нужно приходиться с опозданием: тогда точно заметят. Она хотела быть королевой этого бала, потому что привыкла, чтобы все взгляды всегда устремлялись на нее: восхищенно-мужские и завистливо-женские. Она открыла дверь столовой как раз в тот момент, когда Вячеслав Николаевич готовился произнести тост «за учителей».

– Галочка, пожалуйста, побыстрее, мы уже заждались, водка в рюмках стынет, – директор был в хорошем настроении, – Виктор Юрьевич, нет там рядышком с вами местечка?

Лохматый долговязый парень стал озираясь по сторонам. Реплика директора отвлекла его от спора с коллегой-математиком старших классов Германом Федоровичем. Однако учтивость требовала проявить внимание к даме, но Галина предотвратила неловкость:

– Ни в коем случае не беспокойтесь, я здесь пристроюсь, – она заняла свободное место с Антоном Геннадьевичем, который так открыто восхищался ею утром в учительской.

Тосты следовали один за другим, кто-то уже танцевал, выходили покурить, на столе появилась картошка с укропчиком. Галя не прогадала с местом: старый ловелас – физик окатил ее огромным ушатом комплиментов и красивых слов, вывел на танцплощадку, в общем, был настоящим кавалером.

Вечеринка тем временем «закипала». Некоторые ушли: директор и завуч, семейные мамки из начальной школы, странные математики. Остались свободные от семейных уз и те, кто хотел настоящего праздника.

– К столу, к столу, – созывала всех Людмила Петровна, местная хозяйка, учительница труда у девочек.

Стол стал меньше: ненужное отсекали, еду и тарелки сдвинули для маленькой компании. Волшебным образом материализовалась бутылка коньяка, красного вина и водки. И Галя поняла: сейчас она войдет в особый круг тех, кто по-настоящему рулит этой школой.

Когда все расселись, поднялся молодой, лет тридцати, симпатичный и веселый шатен с голубыми глазами.

– Позвольте, коллеги. Еще один год наступил учебный. Мы рады, что с нами сегодня новые люди. Галя, меня зовут Александр, и я счастлив, что такая красавица будет работать у нас. Предлагаю тост за молодых специалистов!

– Танцевать? Антон Геннадьевич, я украду вашу даму?

Галя весело рассмеялась и с удовольствием протянула свою руку Александру. Он крепко прижал девушку к себе. Гораздо крепче, чем позволяли правила приличия. Но в зале царил полумрак, в голове плескалось вино, а рядом под музыку покачивались такие же пьяные парочки объединившихся коллег.

– Ты меня потом подожди, я столы поставлю и провожу, – прошептал Саша ей горячими губами.

– Подожду...

...Они исступленно целовались в грязном вонючем подъезде, где жила Галя. Красивый блестящий ремень давно валялся на полу, а Сашины руки выводили сумасшедшие рулады на ее груди и спине. Было поздно. Подъезд спал. Казалось, Саша сейчас взорвется.

– Пусти меня к себе, хочу тебя, слышишь, пусти, – он расстегивал брюки.

Внизу хлопнула дверь. Галя отпрянула от парня, запахивая плащ.

– Нет, не сегодня, не сейчас. Мне пора.

Он резко выдохнул, пригладил ей волосы.

– Конечно, ты права. Тогда пока?

– Пока.

Она чмокнула его в щеку и направилась к своей квартире.

Алина Константиновна не очень-то любила развеселые гулянки. Куда комфортнее ей было дома, с мужем и дочерью. Лина теперь, когда вышла на работу, чувствовала непреходящую вину перед своими близкими. Ей казалось, она недодает им своей любви, своего внимания, нежности, заботы. Она ушла со школьного праздника, как только это стало возможным: среди первых. Тишина собственной квартиры поразила: никто не встречал – не поздравлял, а она надеялась на сюрприз от Сани. Но ни мужа, ни дочери не было. Лина набрала мамин номер, однако телефон отвечал долгими гудками. Праздничное настроение сменилось беспокойством, беспокойство – тревогой. «Записка. Должна быть записка». Нет, ничего. Снова и снова она набирала номер своих родителей, снова и снова ей отвечали долгие гудки. Когда неизвестность стала невыносимой, она выскочила на улицу. Навстречу ей шли те, о ком были все ее мысли: Саня с Нютой, мама с папой. Алина зарыдала в голос:

– Где вы были? Я вас потеряла... не знала, что и думать.

Саня укрыв – обнял:

– Ты почему так рано? Все испортила нам, сюрприз не получился.

А папа уколол:

– Ну, рева-корова, вся в мать, не могла, что ли в школе задержаться подольше?

Она счастливо засмеялась:

– Я к вам хотела.

Потом были суматошные приготовления «почти праздничного» стола с настоящей роскошью: виноградом и красным вином для Лины, шоколадом и яблочным соком для Нюты, картошкой с огурцами и селедочкой для остальных. Всех удивила мама, вытащив из авоськи палку настоящего финского сервелата и баночку оливок. Саня командовал, а Алина смотрела на мужа и думала: «Самый лучший, самый – самый».

... Ночью, когда родители ушли, а Нюся уснула, она шептала эти слова ему на ушко, и они жарким пламенем пронзали его молодое тело, заставляя снова и снова любить свою жену. И не было уже ни Лины, ни Сани, а было единое целое, неделимое и неразрывное, рожденное самым прекрасным, что есть на земле, – любовью.

Елена Георгиевна открывала дверь квартиры, надеясь, что за то время, которое она провела в дороге, Круз успел вернуться. Она так устала целый день беспокоиться, что уже просто констатировала факт: его до сих пор нет. Лена понимала, что он может быть в ДК, но в его камерке не было телефона, а звонить на вахту она боялась: однажды наткнулась на хамство, так ничего и не добившись от дежурной. Однако время шло, а известий от мужа не было. «Еще полчаса и поеду в ДК», – решила Лена, потому что ожидание становилось невыносимым.

В дверь позвонили. Птицей бросилась она на звук. Распахнула – размахнула двери. Круз сидел – падал на подоконнике, явно не соображая, где он и что с ним. Куртка – чужая? прикрывала окровавленную – дрался? рубаху, штаны мокрые и грязные – обо...ся? были расстегнуты, но прихвачены ремнем. Рядом никого не было. Как пришел? Кто-то привел? Убежали?

Стало до тошноты противно. «Он такой. Алкаш и засранец. Это его выбор. При чем здесь я?... Разве он не был моим выбором?... Был, но он был другим, а такой... не хочу... не могу...» Она втащила мужа в комнату, позвонила матери и сказала, что придет ночевать к ней.

Последний учебный день перед каникулами в школе – день уборки и чистоты. «Помойка». (Мытье кабинетов, парт, стен, стульев). У детей настроение не учебное, а отпускное, но в уборке участвуют все. 10В приступил к наведению чистоты основательно: парты и стулья были вынесены в коридор, мальчики принялись за стены и батареи, а девочки намывали подоконники. Заправляла всем Олеся Кудрявцева.

– Елена Георгиевна, вы бы пока свой стол привели в порядок, нам-то несподручно туда лезть, – обратилась девочка к Лене.

Лена выглядела растерянной: все происходящее было для нее неожиданностью. Было странно, что никого не нужно организовывать, заставлять – призывать.

– Олеська, а можешь мне по секрету сказать, почему вы так рьяно, с энтузиазмом все это делаете? В чем подвох?

– Потом будем чай пить. Все вместе. И разговоры разговаривать. За жизнь.

– За жизнь?

– Вы против?

– Нет, я – за. Но как-то неожиданно все это. А к чаю что?

– С миру по нитке. Кто что принес.

С уборкой справились быстро и дружно. Расставили столы кружочком, вытащили запасы, расселись и вопросительно уставились на Елену.

– Я что-то должна сказать?

Ответил Мусин:

– Елена Георгиевна, вы с нами уже целую четверть, пора вливаться в коллектив.

– То есть?

– То есть посмотреть на нас в неформальной, так сказать, обстановке.

Все это, сказанное нагло-развязным тоном, в обычной мусинской манере, прозвучало настолько двусмысленно, что Лена откровенно испугалась. Однако, стремясь не допустить возможно-невозможное продолжение, она, неожиданно для себя, предложила:

– Давайте на каникулах съездим в Токсово, в зубро-бизонник. Погуляем там, зубров покормим. Там хорошо, тихо так, воздух свежий.

Мусин растерялся, а все загалдели-зашумели одобрительно и быстро назначили день поездки.

Когда говорят «Пригороды Ленинграда», в голове проносятся названия: Пушкин, Павловск, Гатчина, Петергоф. Но есть и другие пригороды, не пафосные, пышно-царские, а природные, натуральные, естественные, с запахом хвои и грибов, со следами лосей и зайцев, с непроходимыми зарослями и тихой гладью озер. К таким пригородам относилось Токсово. Старейший поселок, выросший из финской деревеньки, удивлял неказистыми домишками и первозданностью природы.

Токсово для Елены Георгиевны было связано с воспоминаниями детства. Там жили ее бабушка и тетя. Им принадлежал небольшой домик с участком прямо на берегу Кривого озера. Сюда каждое лето отправляли родители Лену на каникулы. Потом бабушка умерла, часть дома продали, а воспоминания, празднично-яркие, детские, остались. Она иногда приезжала сюда с Крузом, и это тоже были приятные воспоминания. Ей вдруг захотелось поделиться с ребятами своей любовью к этим местам, захотелось показать им всю глубинную, тайную прелесть и поздней осени, и ленинградской природы.

– Ну что, устали? – задорно оглянулась Лена на своих учеников.

Ребят собралось немного, 12 человек, но это был костяк класса, его лицо.

– Скоро дойдем до Изумрудного озера, там привал устроим.

Деревянный кораблик на Изумрудном разрушался медленно, но стремительно. Построенный на радость отдыхающим, он еще являл собой сказочное сооружение, притягивающее к себе туристов, однако было видно, что окончательная гибель его не за горами.

Вид Изумрудного озера, кораблика и деревянных беседок, несколько взбодрил приунывших ребят.

– Складывайте сюда вещи, перекусим здесь и пойдем к зубрам, – командовала Лена.

Парни скинули рюкзаки в кучу и бросились-побежали к кораблю. Девчонки потянулись за ними.

– Даша, Олеся, помогите стол собрать.

– Елена Георгиевна, а вы доставайте из сумок все подряд. Мы сейчас быстро вернемся.

Лена стала раскладывать на огромном пне немудреную снедь: бутерброды, огурчики, печенье. Кто-то прихватил сырую картошку. «Может, костер развести да напечь?» Кто-то взял банку с солеными огурцами. Среди термосов и бутылок с морсами Лена заметила литровую бутылку с бесцветной жидкостью. Сердце дрогнуло. Она открыла крышку. "Спирт? Водка? Чье это? И что делать дальше? Спокойно. Еще ничего не случилось. Все живы-здоровы, в своем уме и трезвой памяти. Разложить еду и ждать ребят".

Сквозь облака проглядывало солнышко. Казалось даже, что его лучики пригревали, а не только радовали. И ЮВ, скинув свои маски и оставив городу взрослые ужимки, искренне вбирал – заглатывал в себя и этот холодный воздух, и запах озера, и шум леса. Открылась вдруг высокая радость единения и гармонии с природой, наисильнейшее чувство, отсекающее в человеке все лишнее и наполняющее его таким счастьем, для которого нет слов, только крик: «Да-а-а-а!!!»

Лена почувствовала эту перемену, увидела радостных, разругнявшихся детей и побежала – бросилась к ним, атакуя корабль с криком:

– Девчонки! Захватывай корабль! Даешь женское счастье!

Девчонки, получившие неожиданную помощь Елены Георгиевны, с удвоенной силой стали атаковать корабль. Мусин был повержен одним из первых.

– Эй, кончай дурака валять, давайте-ка перекусим, – он отдал команду и неторопливо направился к месту привала. Вдруг в голове молнией пронеслось: спирт! В три прыжка добравшись до пня, парень схватил свой рюкзак и ...

– Дима, ты это ищешь? – в руках Елены Георгиевны была его пол-литровка.

Он молчал.

– Ну что ж ты, ответь, это твое? – вокруг собирались ребята, еще ничего не знавшие, но чувствовавшие разгорающийся скандал.

Он молчал.

– А что там, Елена Георгиевна?

– Я думаю, там вода, а ты, Дима, как думаешь?

Он молчал.

– Быть может, я ошиблась, и это принадлежит кому-то другому? Чья это бутылка?

Все обреченно молчали.

– Зачем это? – протянула Олеска. – Так хорошо было. Эх вы, уроды!

Она вдруг подскочила к Лене, выхватила бутылку, вырвала крышку и вылила содержимое.

– На, понюхай остаточки, – бросила бутылку в лицо Мусину, – а мы лучше похаваем, да, Елена Георгиевна?

Все опять расшумелись, засуетились, стали передавать друг другу бутерброды, огурчики, посыпались смешки, шутки. Мусин отошел – отделился от всех. Как это вдруг так вышло, что они все оказались на ее стороне? Жаль, Шамаев не поехал. Костян – надежный парень, а остальные – стадо, куда поведут, туда и потянутся.

Глава 5. 7 ноября

Россия – страна парадоксов: 30 октября 1990 года в Москве на Лубянке устанавливают серый валун, доставленный из Соловков, в память миллионов жертв тоталитарного режима; а ровно через неделю, 7 ноября 1990 года, в той же самой Москве, но на Красной площади, состоялся парад, посвященный 53 годовщине Октябрьской революции, который тот самый тоталитаризм и породила. Стоит заметить, что это был последний парад, организованный на государственном уровне. Больше эту дату так не отмечали. А последний парад запомнился еще и покушением на М.С.Горбачева, когда тот находился на трибуне Мавзолея. Некто Шмонов Александр Анатольевич стреляет в президента из пневматического ружья. За что? Так и осталось за кадром. Сам Шмонов был признан невменяемым и даже помещен в психиатрическую больницу, а позже (вот парадокс!), в 2006 году, он будет баллотироваться в Госдуму по 206 одномандатному округу Санкт-Петербургу. Когда начались эти парадоксы? Скоро ли они закончатся? Может быть, тогда, когда каждый живущий в этой стране перестанет абстрагироваться от происходящего вокруг и будет чувствовать личную ответственность за свою державу? Или тогда, когда память каждого будет вздрагивать и сердце учащенно забьется при словах «тоталитаризм, сталинизм и большевизм». Ведь это мы, наши деды и прадеды, руками своими творили беззаконие и совершали убийства. Это наши прадеды казнили в Екатеринбурге Помазанника Божьего и его семью, это наши прадеды выслали в 20-х и 30-х годах 20 столетия цвет русской нации и расстреляли оставшихся. Мы обязаны нести ответственность за все это перед Богом, перед всем миром, перед людьми. Лишь покаяние поднимет и спасет Россию.

Дворцовая площадь в Ленинграде, как и Красная в Москве, собирала демонстрантов со всего города. Колонны формировались на подступах к площади по районам. Каждый район требовал определенное количество человеко-единиц от профсоюзов. Пройти дружными рядами под флагами и транспарантами – удовольствие довольно сомнительное. Поэтому все пытались найти причину, чтобы не участвовать в этой государственной затее: у кого-то болели дети, кто-то уезжал к теще, кто-то просто игнорировал. Однако большинство людей по-прежнему боялись санкций руководства, а поэтому послушно шли 7 ноября, как и много лет до этого, на Дворцовую площадь.

В 156 школу пришла разрядка: поставить в колонну 10 человеко-единиц.

– Освобождаются пенсионеры и молодые матери! – строгим голосом провозгласил Вячеслав Николаевич.

Елена Георгиевна приуныла. Ходить строем и петь в хоре она никогда не любила. Выразить солидарность в построении чего? Она не считала нужным. Почти месяц прошло с того дня, как она ушла от Круза. Он не появлялся, не звонил, и она поняла, что их брак обречен. Скорее всего, будет развод. Это правильно? Нужно было с кем-нибудь обсудить это. Она обратилась к Алине. Та откликнулась:

– Знаешь, приходи к нам в гости после демонстрации. Я испеку шарлотку, чайку попьем.

– А это удобно?

– Конечно, я тебя с мужем познакомлю. Он у меня замечательный.

Колонна Калининского района формировалась на улице Герцена. Туда Лена и направилась, выйдя из метро. Странное дело, на Невском царило оживление. Тут и там мелькали флаги, шарики, лозунги. « Боже мой, что же мы празднуем-то?» – мелькнуло в голове. Люди, веселоразгоряченные, улыбочиво-румяные (как-никак минус 4) суетливо спешили прибиться к своей колонне. «Калининский район» Лена заметила не сразу. Сначала она увидела «Да здравствует

Октябрьская революция!» в руках у химика Александра Павловича. Другое древко было в руках у Галины Степановны.

– Леночка, не проходите мимо, – Герман Федорович, как всегда, импозантно- галантен, – вы прибыли к пункту назначения.

– Галочка, – продолжал Герман Федорович, – негоже такой красавице ручки марасть. Давайте мне вашу ношу, а сами идите, развлекайтесь.

Галина Степановна и вправду была неотразима: красное полупальто с роскошным капюшоном было отделано черными пуговицами в клубном стиле, черные ботфорты подчеркивали длину и стройность великолепных ног, а леггинсы лишь усиливали этот эффект. Молодая здоровая красота – что может быть лучше? Галя с радостью рассталась с лозунгом и пристроилась к Саше, который откровенно любовался девушкой.

Колонна пришла в движение, выровнялась, подтянулась и браво прошествовала по Невскому к Дворцовой площади. Там людей спешно прогнали мимо трибун и ... было разрешено расформировываться.

– Сударыня, могу я предложить рюмочку спирта? – Сашин голос скорее утверждал, чем вопрошал.

Галя удивленно посмотрела на парня. Конечно, собираясь на демонстрацию, она предполагала, что романтическое приключение возможно, даже надеялась на это, но «рюмочка спирта»? Как-то не комильфо.

– Даже не знаю, что сказать, – проговорила девушка.

– А не надо ничего говорить, просто доверься мне, старшему коллеге и другу.

Он подхватил Галю под локоток, и они быстрым шагом, обгоняя расходящуюся толпу демонстрантов, миновали Дворцовый мост и устремились к Петроградской стороне, туда, где старые-старые дворы-колодцы вот уже несколько веков были молчаливыми свидетелями человеческого падения и вероломства. Много чего они повидали, о многом же будут молчать. Федор Михайлович не зря отмечал холодную неприютность серых домов Петербурга. Таким был этот город для «бедных людей», таким и остался.

Саша уверенно вошел в подворотню, сумрачную, тревожную и безлюдную. Откуда-то из-под пожарной лестницы он извлек ящики и выставил на них фляжку со спиртом и стаканчики. Туда же определили хлеб и огурчики.

– Ну что, поехали?

Даже в страшном сне Галя не могла себе представить, что она, такая-вся-такая-растакая будет вот так, в подворотне, на ящиках...

– Галочка, давай, бери, – Саша протягивал ей стакан с жидкостью.

– А чем запить?

– Ничем, хлебушком закуси.

Спирт прожег насквозь. Она резко выдохнула. Глубоко вдохнула запах черного хлеба и выдохнула еще раз. Саша засмеялся:

– Ну, ты скромница! Спирт ни разу не пила? Знаешь, как понравится? Давай-ка сразу по второй и по сигаретке.

Галя жажнула второй стакан. Жидкость уже не казалась ей отвратительно-мерзкой, она разогрелась, зарумянилась, пуговицы как-то сами собой расстегнулись, и уже все было хорошо – здорово, и уже не думалось: «И что бы на это сказала моя мама?»

Надвигались сумерки, в окнах зажигались огни. Дальнейшее помнилось смутно. Долгий поцелуй, руки под блузкой. «Какая ты, хочу тебя, очень хочу, с первого дня, как увидел». Опять спирт на дне стакана, какие-то шутки.

Холодные руки на талии, горячие губы на шее. Ласки обжигали, изводили. Саша изнемогал. Тело его дрожало. Умом понимая, что это не место для первого раза, телом остановиться не мог. «Возьми его в руки, пожалуйста, возьми». Он воткнул Галину руку себе в джинсы, и

она почувствовала всю силу его желания. «Давай в рот», – прошептала девушка. Он расстегнул штаны, она наклонилась, и лишь утробное рычание и причмокивание сопровождали происходящее. Вряд ли жильцы дома или случайно забредший припозднившийся прохожий сразу бы заметили эту парочку, слившуюся в полумраке со стеной дома. Когда все было кончено, он обхватил ее колени, поднял, закурил – так велика была его радостная благодарность.

Елена Георгиевна уходила с демонстрации по Петроградской. Она давно не виделась с мужем и решила зайти к нему, ведь находилась-то поблизости. Лена ничего не хотела загадывать наперед: пусть будет так, как сложится. Ей представлялось: за это время Круз все осознал, нашел работу, привел в порядок комнату, может быть, даже старые обои переклеил, поддерживает порядок и ждет, что она придет. Тогда они поговорят, и она, конечно, все простит. Жизнь начнется с чистого листа. Лена так отчетливо представила это, что практически убедила себя в том, что так и будет.

... Дверь в их комнату была открыта, и она сразу увидела все: и бутылки на столе, и банки с плавающими огурцами – помидорами, и не застеленную кровать, а главное – пьяного мужа и полуголую улыбающуюся блондинку в его объятиях. Она вошла и прикрыла дверь.

– За вещами? – спросил Круз.

– За вещами, – ответила Лена. Больше слов не было. Душили слезы, на глаза накатывала темнота, но она понимала: не сейчас. Без истерик и скандалов. Так она уйдет. Лена достала огромную клетчатую сумку и начала бросать туда свои вещи.

– Может, помочь? Хочешь, мы выйдем, чтобы не мешать?

– Было бы хорошо.

– Нинуля, пойдем на кухню, чайничек поставим.

– А это кто? – подала голос Нинуля.

– Уже никто, – отозвался Круз.

Всю дорогу до дома Лена слышала этот ответ. «Я теперь никто, – повторяла она раз за разом, – а кем же была – то? Кем я была для тебя, Круз? Почему ты так легко вычеркнул меня из своей жизни, так быстро заменил Нинулей?»

Дверь открыл Саня.

– Привет. Я Саша, – без затей представился он, протянув руку.

– Очень приятно. Лена. Это вам, – она протянула коробку печенья.

– Проходи на кухню. Лина Ньюту укладывает.

«Лина, Ньюта» – это звучало так тепло, так уютно, что у Лены защипало в глазах. Она пристроилась к столу у окна. Саша хлопотал с чаем, а Лена оглядывалась вокруг. И своим обостренным чутьем она во всем видела трогательную привлекательность.

Алина вышла из детской, жмурясь от электрического света.

– Сама чуть не заснула под бочком у дочки, – улыбаясь, произнесла она. – Ну что, садимся за стол?

– Располагайтесь, девочки, поудобнее. Картошечка готова. Лина, селедку доставай.

– Знаешь, Лена, я делаю царскую селедку с лучком и постным маслом. Уверен, ты никогда такой не пробовала. Со мной нужно дружить, тогда все твои гости будут всегда сыты, – Саша улыбался, говоря все это.

Лена забыла про Круза, Нинулю, комнату на Петроградской. Уют этого дома завораживал.

– А давайте, девчонки, споем, – Саша взял в руки гитару.

Ночь притаилась за окном,

Туман поспорился с дождем,

И беспробудный вечер,
И беспробудный вечер,
О чем-то близком, дорогом,
О чем-то дальнем, неземном,
Сгорая, плачут свечи...

Песня была грустная, многообразная. Свет в кухне погасили уже давно. Язычки свечного пламени плясали в подсвечниках, подчиняясь ритму Саниного голоса. «Они даже не понимают, какие они счастливые,— подумала Лена. — Они живут в этом счастье и не знают, что семейная жизнь может быть другой. Или не может? Ведь если бы могла быть другой, я бы здесь не сидела. Я была бы рядом с Крузом».

— Вот интересно получается, что свечи всегда плачут. Это как-то неправильно, ведь мы зажигаем свечи дома в какие — то очень романтические моменты жизни. В хорошие моменты. Почему же они плачут? — произнесла Алина.

— Они плачут о других, о тех, которых нет дома, которые где-то ходят и не могут найти свой огонек,— отозвался Саня.

— А когда найдут?

— Тогда они зажгут свои свечи, и другие путники будут идти на этот огонек и находить дорогу друг к другу. Земля большая, но она круглая, поэтому все люди на ней встречаются рано или поздно, — отозвался Саша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.